

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.6>

СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Научная статья

Нейман В.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9080-5774;

¹ Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (v-tiunova[at]list.ru)

Аннотация

В статье представлен анализ стратегий речевого воздействия и лингвистических средств их реализации в дискурсе российских и чешских политических деятелей. Рассматриваются и сравниваются такие стратегии манипулятивного воздействия, как нападение, защита, аргументация, стратегии на понижение/повышение и др., используемые во время проведения предвыборных компаний на пост президента государства. Выявлены сходства и различия в определении стратегий речевого воздействия среди российских и чешских авторов. Дано определение политического языка как институционального дискурса и политического предвыборного дискурса, описаны его особенности и основные признаки. Представлены основные способы манипулирования в политической речи.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегии речевого воздействия, языковые средства, персуазивная коммуникация.

STRATEGY OF PERSUASION IN PRE-ELECTION DISCOURSE OF POLITICIANS OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE CZECH REPUBLIC

Research article

Neiman V.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-9080-5774;

¹ Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

* Corresponding author (v-tiunova[at]list.ru)

Abstract

The article presents an analysis of strategies of linguistic manipulation and means of their implementation in the discourse of Russian and Czech politicians. Strategies of manipulative influence such as attack, defense, argumentation, strategies for a decrease/increase, etc., used during pre-election campaigns for the post of President of the State are considered and compared. Similarities and differences in the definition of linguistic manipulation between Russian and Czech authors have been identified. The definitions of political language as institutional discourse and political pre-election discourse are given, their specifics and main properties are described. The main ways of manipulation in political speech are presented.

Keywords: political discourse, linguistic manipulation strategies, linguistic means, persuasive communication.

Введение

Прагмалингвистические и социопрагматические исследования представляют собой лингвистическую область, которая активно развивалась на протяжении последних пятидесяти лет. Анализ языка в его текущем использовании часто включает исследование стратегий, позволяющих оказывать воздействие на адресата, и их вклада в успешную коммуникацию. Поскольку проблематика манипулирования в политической речи весьма неоднозначна и чувствительна к современным тенденциям публичной коммуникации, она создает методологические трудности для исследователей, склонных рассматривать ее либо слишком кратко, либо слишком всесторонне. Тематические исследования и их выводы могут способствовать пониманию предмета и инициировать дальнейшие исследования в этой области.

Данное исследование направлено на выявление стратегий убеждения в политических дебатах перед выборами на пост президента Российской Федерации и Чешской Республики в 2018 году. Были рассмотрены дебаты кандидатов на пост президента в эфире первого канала российского телевидения (выступления В.В. Жириновского, К.А. Собчак, Г.А. Явлинского), и предвыборные дебаты в эфире канала СТ1 чешского телевидения (выступления Й. Драгоша, М. Горачека, М. Тополанека). Выборы в этих странах проходили примерно в один и тот же временной период (с разницей в три месяца), в той же мировой обстановке, что позволило наблюдать и сравнивать проведение политических кампаний. Указанные политические деятели не являются победителями президентских выборов, но входят в пятерку кандидатов, набравших наибольшее количество голосов. Представляет интерес и факт родства двух языков. Проведение сопоставительных исследований поможет выявить и описать универсальное и национально специфичное в ментальных картинах политического мира чешского и российского народов.

Методы и принципы исследования

В качестве методологической основы исследования выступили: метод наблюдения, метод классификации и систематизации, метод дедукции, метод сопоставления, обобщения и описательный. Работа основывается на принципах системности, комплексности, детерминированности, в ней был также применен контент-анализ.

Основные результаты

Активное вовлечение сознания адресата в информационные потоки предвыборной кампании приводит к модификации существующей в его сознании картины политического мира. При этом сохраняются ее основные компоненты, но меняется отношение к ним. Измененная картина мира уже может побуждать адресата к изменению реального мира, к попытке приблизить существующие реалии к смоделированной сознанием виртуальной действительности. Таким образом, в процессе политической коммуникации соотношение «язык – реальность» может изменяться в сторону преобладания языка над действительностью. Такой процесс имеет название «креативная функция языка» [22] или «функция создания иллюзий» [18], то есть язык способен создавать иллюзорную действительность, подменяя ею реальный мир.

В определении А.Н. Баранова политическим языком является система знаков, суть которой заключается в политической коммуникации, а задачи состоят в «выработке общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [4]. Схожие выводы можно найти и в работе Е.И. Шейгал. Так, например, политический язык по мнению автора представляет собой структурированную знаковую систему, формирующую семиотическое пространство политического дискурса. Такая система включает в себя специализированные и неспециализированные знаки, они могут быть вербальными как, например, антропонимы, политические термины или невербальными, как политическая символика [22]. В исследовании В.Н. Базылева политический дискурс представлен как жанровая разновидность фатической речи. Такой вывод сложился в результате того, что существует начальный контрактный импульс, обуславливающий частные цели политического дискурса, информативность же высказывания стоит на втором месте. Во время выступления политические деятели обращаются скорее ко всему населению страны, а не к определенной группе. Чтобы адресат воспринимал направленное на него высказывание политика в соответствии с его замыслом, адресант должен обратиться к когнитивной базе, а не только к коллективным знаниям и представлениям населения. Политический дискурс относится к институциональному общению. В отличие от лично-ориентированного, оно пользуется системой профессионально-ориентированных знаков и имеет собственный подязык (лексику, фразеологию и т.д.) [2]. В.З. Демьянков в своей статье «Интерпретация политического дискурса в СМИ» предлагает целый ряд отличий языка политики от обычного языка. Первое отличие – в нем политическая лексика терминологична, а обычные языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке. Второе отличие – он обладает специфической структурой, которая зачастую является результатом своеобразных речевых приемов. Третье отличие – специфична и реализация дискурса – его звуковое или письменное оформление. Главными признаками политического дискурса исследователь называет оценочность, полемичность и агрессивность [7].

На основании вышеизложенного была выведена дефиниция «политического предвыборного дискурса», которая определяет его как сложное коммуникативное образование, обладающее институциональными, риторическими и ритуальными признаками, представляющее собой речевой акт, обусловленный речевой ситуацией и статусом коммуникантов, главной целью которого является манипуляция.

Манипуляция – это форма общения, обеспечиваемая вербальными средствами: техникой построения высказывания, в том числе с метафорическим моделированием, риторическими приемами и т.д. Это намеренный прием коммуникации, который представляет собой целенаправленное воздействие на личность (или группу людей), вызывающий у индивида, в обход его воли, модификацию существующей в его сознании лингвоментальной картины политического мира [5]. Манипуляция соотносится с такими понятиями как языковая демагогия, речевая агрессия [6], языковое насилие [17], персуазивность [20], суггестивность [1]. Для достижения поставленных целей манипулятивное преобразование информации может осуществляться несколькими способами: искажение информации, утаивание информации, манипулирование со способом подачи материала, манипулирование со временем подачи материала, перегрузка адреса сведениями. Среди подходов к определению языковой манипуляции можно выделить: скрытое или неявно выраженное воздействие посредством языка на мнение или поведение адресата; специфическое речевое поведение в процессе общения, направленное на побуждение к действию.

Функции убеждения и прагматического воздействия выступают в лингвистической литературе в качестве основных для политического дискурса. При этом подходы к рассмотрению средств и механизмов речевого воздействия в рамках этой институциональной сферы коммуникации различаются.

Политическая коммуникация, как особый тип институционального дискурса, обнаруживает функциональное единство ряда компонентов, один из которых представлен речевыми стратегиями. Проблемы различных аспектов речевого воздействия изучало множество исследователей. Среди них: О.С. Иссерс, В.Е. Чернявская, Е.И. Шейгал, Е.Л. Доценко, М.Р. Желтухина, А.Н. Леонтьев, С.Г. Кара-Мурза, G. Leech, Н.Р. Grice и др. Многие из них считают, что в качестве отличительной черты подобных речевых действий необходимо рассматривать их интенциональный характер, то есть целенаправленность и осознанность, базирующиеся на потенциально возможной вариативности вербального оформления интенций.

Е.И. Шейгал в своей работе «Семиотика политического дискурса» описывает такие признаки политического языка: смысловая неопределенность, фантомность (отсутствие реального денотата), фидеистичность (иррациональность), эзотеричность (доступ к пониманию смысла имеют лишь избранные), дистанцированность, театральность [22].

Для того, чтобы увидеть некоторые из этих признаков на практике достаточно рассмотреть следующий пример, отрывок из обращения кандидата на пост президента Российской Федерации Г.А. Явлинского.

Люди, которые мнят себя образованными, часто повторяют такую фразу: «Ну, разве с этим народом можно что-то сделать?»

Первую лампочку в мире создал Яблочков. Но промышленное производство совершил совсем не он – Эдисон. Первый радиосигнал придумал русский ученый Попов. Но радио относится к Маркони, радиосигнал, – потому что он его сделал промышленным первым. Первый спутник с Земли запустили в России, в СССР. И сегодня у нас 1% телекоммуникаций, связанных с космосом. 1%! А первый спутник запустили мы. Первые лазеры промышленные были созданы тоже в нашей стране. А кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы в России покупали лазерные установки? Первый цифровой компьютер в Европе создал русский исследователь Сергеев. А кто-нибудь слышал когда-нибудь о русском компьютере? Вообще слышал? Никто никогда не слышал.

В этом отрывке можно встретить проявления упомянутых выше признаков:

- смысловая неопределенность: отрывок является частью высказывания политика во время дебатов, но отсутствует прямое упоминание предстоящего события и не звучат прямые призывы голосовать за кандидата, хотя конечная цель выступления заключается в этом.

- фантомность: во фразе «люди, которые мнят себя образованными» не отражен реальный денотат, не известно какому именно группе людей имеет в виду автор высказывания.

- дистанцированность: вернемся к первой части отрывка: «Люди, которые мнят себя образованными, часто повторяют такую фразу: «Ну, разве с этим народом можно что-то сделать?»». К понятию «люди» автор не относит свое окружение и своих зрителей/слушателей, это какие-то другие люди – враги, с которыми он не согласен. Также использование выражения «с этим народом» вместо «русскими» направлено на вызов негативных эмоций по отношению к тем «чужим» людям. В противовес этим «чужим» появляются определения «мы» во фразе «а первый спутник запустили мы» и «наша страна» вместо «Россия» во фразе «первые лазеры промышленные были созданы тоже в нашей стране». Личный дейксис в этом случае имеет метонимическое значение «мы – Россия».

- театральность: во второй части отрывка автор использует средства экспрессивности такие как повторы, риторические высказывания, риторические вопросы.

В работе «Дискурс власти и власть дискурса» В.Е. Чернявская выделяет понятие «персуазивная коммуникация». Под этим термином подразумевается особый тип ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресант реализует попытку преимущественно вербального воздействия на сознание адресата посредством коммуникативных стратегий, побуждающих к определенным действиям [20].

В исследовании М.Р. Желтухиной «Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса» можно найти иной подход к изучению речевого воздействия. Он базируется на суггестивности, то есть виде воздействия на адресата, основанном не на логической аргументации, а на внушении, подсознательном, косвенном воздействии [9].

Но наиболее продуктивным подходом в аспекте анализа специфики реализации определенных коммуникативных решений посредством использования определённых языковых единиц считается прагматический подход. Как отмечает О.С. Иссерс, в книге «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», подобный тип описание дискурса – стратегический [10]. Речевые стратегии, являясь одним из основных компонентов политического дискурса, неоднократно становились объектом исследовательского интереса.

Основных способов манипулирования содержанием сообщения, по мнению Г.П. Бакулева, четыре: персонификация, драматизация, фрагментация и нормализация [3]. Обращение к спецификации типологии коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе приводит к выводу о том, что они неизбежно будут опираться на бинарную гиперонимичную оппозицию «свои/чужие» или же «добро/зло». Так, Н.И. Клушина, отмечая, что в любом политическом дискурсе фигурирует образ врага, выделяет стратегии формирования данного образа: речевая агрессия, стратегия дискредитации, стратегия именованная (навешивание ярлыка). Она также делится мнением, что в современных условиях, помимо внешнего и внутреннего врага («свои/чужие»), стоит выделять третью составляющую – мировое зло, терроризм, противопоставляемый первым двум компонентам [12].

О.Н. Паршина относит к стратегии дискредитации (нападения) тактики обвинения, гиперболизации, утрирования, оскорбления, насмешки, компрометации, выведения оппонента из себя, а к стратегии самозащиты – тактики оправдания, оспаривания, критики, дистанцирования, упрека и угрозы [16].

О.Л. Михалева выделяет ряд стратегий в своей терциарной системе стратегий в политическом дискурсе: на понижение, на повышение и стратегия театральности. В стратегию на понижение входят тактики обвинения, безличного обвинения, анализ-«минус», обличения, оскорбления, угрозы. В стратегию на повышение входят тактики презентации, неявной самопрезентации, анализ-«плюс», отвода критики, самооправдания. Стратегия театральности основана на тактиках побуждения, кооперации, размежевания, информирования, обещания, предупреждения, прогнозирования, иронизирования, провокации [14].

Как правило, типичными средствами реализации коммуникативных стратегий признаются различные риторические фигуры и средства образности (метафора, метонимия, сравнение, каламбур), побудительные и вопросительные конструкции, аффективный и эмоциональный синтаксис, специфическая номинация и другое [10], [20].

Й. Свободова в книге «Сила речи. Критическое прочтение медийных и политических текстов» (The Power of Speech. A Critical Reading of Media and Political Texts) отмечает следующие стратегии, характерные для политической речи: речевая агрессия, стратегия максимизации и минимизации, аргументации/ложной аргументации, закона и права, грубости, вежливости, стратегия побега. Стратегии, используемые в таких коммуникативных ситуациях, могут быть откровенно агрессивными, что не мешает говорящему скрытно достигать своих целей. Коммуникация предполагает угрозу в отношении коммуникативного партнера и явное пренебрежение положительными ценностями, о которых заявляет оппонент. Однако на оценку речей всегда влияет аспект уместности, а коммуникативное поведение оценивается по отношению к установленным социальным стандартам и принятым коммуникативным рамкам.

Невежливость обычно связана с нарушением существующих социальных или коммуникативных норм и угрозой лицу адресата [25].

Средства реализации стратегий, выявленные российскими авторами во многом схожи с результатами исследований их чешских коллег. К таким средствам можно отнести: риторические фигуры и средства образности, бинарная оппозиция «свой/чужой», побудительные и вопросительные конструкции, аффективные и эмоциональный синтаксис, специфическая номинация.

В таблице 1 представлены особенности политического дискурса, его структурные и типологические характеристики.

Таблица 1 - Особенности политического дискурса, структурные и типологические характеристики

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.6.1>

№ п/п	Стратегия	Описание	Сторонники
Стратегии			
1.	дискредитация (нападение)	тактики обвинения, гиперболизации, утрирования, оскорбления, насмешки, компрометации, выведения оппонента из себя	О.Н. Паршина (РФ) Н.И. Клушина (РФ)
2.	самозащита	тактики оправдания, оспаривания, критики, дистанцирования, упрека и угрозы	О.Н. Паршина (РФ) Г.П. Бакулев (РФ)
3.	речевая агрессия	форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление, или преднамеренное причинение вреда человеку, организации, обществу в целом	Н.И. Клушина (РФ) Й. Свободова (ЧР)
4.	именование	навешивание ярлыка	Н.И. Клушина (РФ) Г.П. Бакулев (РФ)
5.	на понижение	тактики обвинения, безличного обвинения, анализ-«минус», обличения, оскорбления, угрозы	О.Л. Михалева (РФ) Й. Свободова (ЧР) Д. Ментлик (ЧР)
6.	на повышение	тактики презентации, неявной самопрезентации, анализ-«плюс», отвода критики, самооправдания	О.Л. Михалева (РФ) Й. Свободова (ЧР) Д. Ментлик (ЧР)
7.	театральности	тактики побуждения, кооперации, размежевания, информирования, обещания, предупреждения, прогнозирования, иронизирования, провокации	О.Л. Михалева (РФ) Г.П. Бакулев (РФ)
8.	(ложной) аргументации	основана на тематизации топосов (или локусов), т. е. мест, которые обычно появляются в текстах с имплицитно или эксплицитно демонстрируемой силой	М.Ю.Куксова (РФ) Й. Свободова (ЧР) З. Швейда (ЧР)
9.	закона и права	основана на требовании	Й. Свободова (ЧР)

		неукоснительного соблюдения всех законов и других кодифицированных норм, независимо от конкретных затрагиваемых лиц	
10.	грубости	является проявлением вербальной агрессии, которая может реализовываться прямо (оскорбления, угрозы, насмешки и т. д.) или косвенно (например, клевета и смех за спиной партнера)	Й. Свободова (ЧР)
11.	вежливости	способ избежать конфликта, снизить напряженность и агрессию между коммуникантами и минимизировать проявления взаимного антагонизма	Й. Свободова (ЧР)
12.	побега	выделение недостатков партнера по общению служит уклонению от неприятной для говорящего темы, опорочиванию партнера и укреплению собственной позиции говорящего	Й. Свободова (ЧР)

Наиболее часто встречаемые стратегии можно проиллюстрировать следующими примерами:

Восхваление себя (стратегия на повышение). Представление себя в лучшем свете является неотъемлемой частью любой предвыборной компании. В этом случае кандидат может использовать разнообразные логические уловки: искажение реальности, замалчивание, перегруз внимания. Однако чрезмерное восхваление может спровоцировать противоположный эффект.

М. Горачек: *Michal Horáček proč? No, protože nemám kamarádčofty s politiky a byznysmeny, vždycky jsem si vždy všímal vašich přání a starostí* (17 декабря 2017 года). – Михал Горачек, почему? Ну, потому что у меня нет друзей политиков и бизнесменов, я всегда замечал ваши желания и заботы (здесь и далее перевод автора).

Г.А. Явлинский: *Я ничего не буду разрушать. Я ничего ни у кого не буду отбирать. Я не буду отбирать и делить. Я не буду орать и унижать. Я буду строить создавать, преумножать, беречь, обнимать, любить свою страну, уважать своих граждан, уважать наших детей и наше будущее. Поверьте мне* (14 марта 2018 года)!

Критика оппонента (стратегия дискредитации, речевой агрессии, на понижение, грубости). Если избиратель относится положительно к тактике нападения, то определение слабых сторон оппонента способно сделать его менее привлекательным. Используя метод нападения, кандидат может сформировать предубеждение у избирателей по отношению к своему оппоненту. Исследование политических телепередач в преддверии президентских выборов показало, что метод нападения чаще использовали кандидаты с наименьшими шансами на победу.

М. Тополанек: *Já si myslím, že že Jiří Drahoš je možná slušný člověk, aspoň to o sobě říká, ale každopádně je bez jakýkoliv zkušenosti s politiky nebo diplomacie v zahraniční politice má za sebou pouze ty cesty jako předseda Akademie věd, že nebude adekvátním partnerem* (3 января 2018 года). – Я думаю, что Йиржи Драгош, возможно, порядочный человек, по крайней мере, он так о себе говорит, но в любом случае, у него нет опыта в политической или внешнеполитической дипломатии, он лишь побывал на посту председателя Академии наук, он не будет адекватным партнером.

К.А. Собчак: *Вот буквально вчера на ОРТ, господин Жириновский сказал о том, что, мол, возможен второй тур. До этого господин Грудинин также нам говорил, что возможен второй тур, если проголосуем за меня. Ведь, то и то, дорогие друзья, это чистое вранье. Эти кандидаты вам врут, не будет никакого второго тура и всем это абсолютно понятно. Потому что эти люди играют свою, не очень красивую роль, не очень красивую роль в этом театре* (14 марта 2018 года).

Защита (стратегия самозащиты, побега). Защита способна вернуть шансы кандидата, утраченные в результате нападений, но она имеет ряд недостатков: ответ кандидата на нападение может поставить его в оборонительную позицию на продолжительное время; объектом нападков чаще всего являются слабые позиции кандидата, в связи с чем

ответная реакция способна обнаружить его некомпетентность; кандидат должен уметь определить тему, в рамках которой его критикуют, и лишь затем выступать с опровержениями.

М. Горачек: *Ani teď ani později nikdy žádného tiskového mluvčího mít nebudu, protože ta volba je přímá. Co já bych tam nějakého pána jako mezi nás souval a pak řekl mu to neřekl dobře. Ale to je to není statečný to není ono. To já chci něco říct sám za sebe a ne za to případnou kritiku a nebo případně schválení toho a je to jenom já. Nevím tam žádné tiskový mluvčí. Proč nikdy nebudu mít tiskový mluvčí nikdy* (11 октября 2016 года). – У меня никогда не будет пресс-секретаря ни сейчас, ни позже, потому что эти выборы прямые. Если бы я какого-нибудь человека между нами поставил, и говорил бы ему, что он сказал, что-то не хорошо. Но в этом нет смелости, это не то, что нужно. Я хочу говорить сам за себя, и не для какой-либо возможной критики или возможного одобрения, и только я. Я не желаю никакого пресс-секретаря. Поэтому у меня никогда не будет пресс-секретаря.

В Российских дебатах также кандидаты принимают оборонительную позицию, так, например, в интервью с кандидатом от партии «Гражданская инициатива» К.А. Собчак, ведущий обвинил ее в выставлении своей кандидатуры с целью размывания голосов. В ответ кандидат перешел к критике своего соперника: *Ну, какие размывания голосов у Явлинского, ну, это правда, ну. Явлинский системный оппозиционер, вам знакомо это слово? Это человек, который принимает ту систему, которую я считаю порочной и неприемлемой. Он много лет принимает эту систему, живет в своей партии в том числе на бюджетные деньги* (23 ноября 2017 года).

Убеждение (стратегия аргументация / ложной аргументации). Это способ можно рассматривать как вербальное аргументированное воздействие на адресата, часто используемое некоторыми кандидатами как метод психологического воздействия на сознание адресата посредством изменения его прежних суждений. Следовательно, это должно привести к определенной трансформации мировоззрения и поведения в целом.

Й. Драгош: *Když si poslechněte úroveň debat, které mezi sebou politici vedou a řeč, kterou používají a způsoby, které používají, je to někdy k pláči. Takže ryba smrdí od hlavy a od té vysoké politiky se učí i další. Co můžeme chtít po našich dětech a vnucích, když slyší to, co slyší od politiků* (4 января 2018 года)? – Когда вы слушаете каков уровень дебатов, которые политики ведут друг с другом, и язык, который они используют, и способы, которые они используют, хочется плакать. Так «рыба гниет с головы», а другие учатся у этой высокой политики. Что мы можем хотеть от наших детей и внуков, когда они слышат то, что слышат от политиков?

В.В. Жириновский: *Я защищал Советский Союз уже после выборов 19 августа. Кто вышел защищать? Я страну защищал, и никто не вышел. Почему? Русские не захотели защищать свою страну, где их предали, где их сделали нищими, где стали... приватизация в пользу жуликов. Посмотрите на всех банкиров, на всех воротил финансовых. Вы много там русских увидите? Я не против других народов, есть талантливые, хорошо считают, но почему-то русских нету. Хозяин гостиницы, хозяин банка, ресторана, черкизон, везде не русские, к сожалению* (14 марта 2018 года)!

Заключение

Представленный анализ отличается тем, что впервые были сопоставлены стратегии манипулятивного воздействия и средства их реализации в речах политиков, выявленные лингвистами стран России и Чехии. Исследователи политического дискурса, двух стран выделяют такие стратегии как речевая агрессия, аргументация, стратегия на повышение и понижение. Некоторые из представленных стратегий имеют схожие функции и способы реализации, но именуется по-разному, так, например, стратегия грубости сопоставима со стратегией на понижения и стратегией речевой агрессии.

И российские и чешские исследования в этой области базируются на трудах Дж. Лича, П.Грайса, Р. Лакоффа, Р. Водака и др. и потому схожи в своих определениях. Но есть и значимые различия, так, например чешские лингвисты выделяют стратегии: закона и права, грубости, побега. Также было замечено вынесение принципа вежливости, как отдельной стратегии политической манипуляции. Значительных различий в используемых прагмалингвистических средствах не выявлено.

Полученные результаты исследования сходства и различий стратегий, используемых в политическом дискурсе в рамках реализации коммуникативных стратегий, позволяет разработать универсальную модель высказываний российских и чешских политических деятелей.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Авдеенко И.А. Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Авдеенко. – Барнаул, 2001. – 168 с.
2. Базылев В.М. Российский политический дискурс (от официального до обывденного) / В.М. Базылев // Политический дискурс в России. – Москва : Диалог : МГУ, 1997. – С. 7-9.
3. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции / Г.П. Бакулев. – Москва : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.

4. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108-118.
5. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Бочарова. – Белгород, 2013. – 22 с.
6. Быкова О.Н. Языковое манипулирование / О.Н. Быкова // Вестник российской риторической ассоциации // под ред. А.П. Сковородникова – Красноярск, 1999. – Вып. 1(8). – С. 99-103.
7. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – С.116-133.
8. Доценко Е.Л. Манипуляция: феномен, механизм, защита: монография / Е.Л. Доценко – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 304 с.
9. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 653 с.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
12. Клушина Н.И. Образ врага: о военной риторике в мирное время / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2006. – № 5. – С. 79-87.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл : Академия, 2004. – 346 с.
14. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Михалева Ольга Леонидовна. – Москва, 2005. – 27 с.
15. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – Москва : Гнозис, 2007. – 407 с.
16. Паршина О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (На материале политического дискурса) / О.Н. Паршина // Филол.науки. – 2004. – № 3. – С.85-94.
17. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения (научно-методический бюллетень). – Красноярск. ; Ачинск, 1997. – С. 35-41.
18. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – Москва : Молодая гвардия, 1995. – 352с.
19. Формановская Н.И. Коммуникативные, социальные и психологические роли языковой личности / Н.И. Формановская // Журн. и культ. рус. речи. – 2007. – №1. – С.16-29.
20. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – Москва : Флинта, 2006. – 136 с.
21. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. – 2003. – 238 с.
22. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
23. Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London : Longman, 2007 – 402 p.
24. Grice H. Logic and Conversation / H. Grice // Syntax and semantics. – New York, 1975. – P. 41-58.
25. Svobodová J. The Power of Speech: A Critical Reading of Media and Political Texts / J. Svobodová, O. Bláha, I. Dobrotová et al.– Wrocław, 2020. – 186 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avdejenko I.A. Struktura i suggestivnye svojstva verbal'nykh sostavljajushikh teksta [The structure and suggestive properties of the verbal components of the text]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences / I.A. Avdejenko. – Barnaul, 2001. – 168 p. [in Russian]
2. Bazylev V.M. Rossijskij politicheskij diskurs (ot oficial'nogo do obydenogo) [Russian political discourse (from official to routine)] / V.M. Bazylev // Politicheskij diskurs v Rossii [Political discourse in Russia]. – Moscow : Dialog : MSU, 1997. – P. 7-9. [in Russian]
3. Bakulev G.P. Massovaja kommunikatsia: Zapadnye teorii i kontseptsii [Mass Communication: Western Theories and Concepts] / G.P. Bakulev. – Moscow : Aspekt Press, 2005. – 176 p [in Russian]
4. Baranov A.N. Politicheskij diskurs: proshanije s ritualom [Political Discourse: Farewell to Ritual] / A.N. Baranov // Chelovek [Human]. – 1997. – № 6. – P. 108-118 [in Russian]
5. Bocharova E.A. Politicheskij diskurs kak sredstvo manipulatsii soznaniem [Political discourse as a means of consciousness manipulation] abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences / E.A. Bocharova. – Belgorod, 2013. – 22 p [in Russian]
6. Bykova O.N. Jazykovoje manipulirovanije [Language manipulation] / O.N. Bykova // Vestnik rossijskoj ritoricheskoj assotsiatsii [Bulletin of the Russian Rhetorical Association]. – Krasnoyarsk, 1999. – № 1(8). – P. 99-103. [in Russian]
7. Demjankov V.Z. Interpretatsia politicheskogo diskursa s SMI [Interpretation of political discourse in the media] / V.Z. Demjankov // Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovania [Media language as an object of interdisciplinary research]. – Moscow : MSU, 2003. – P. 116-133. [in Russian]
8. Dotsenko E.L. Manipuljatsia: fenomen, zaschita: monografija [Manipulation: phenomenon, mechanism, defense: monograph] / E.L. Dotsenko. – Saint-Petersburg : Rech', 2003. – 304 p. [in Russian]
9. Zheltukhina M.R. Tropologicheskaja suggestivnost' mass-medijnogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvia troпов v jazyke SMI [Tropological suggestiveness of mass media discourse: On the problem of the speech impact of tropes in

the language of the media: monograph] / M.R. Zheltukhina. – Moscow : Institute of Linguistics RAS ; Volgograd : Publishing house VF MUPK, 2003. – 653 p. [in Russian]

10. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communication strategies and tactics of Russian speech] / O.S. Issers. – Moscow : KomKniga, 2006. – 288 p. [in Russian]

11. Kara-Murza S.G. Manipulatsia soznaniem [Mind manipulation] / S.G. Kara-Murza. – Moscow : EKSMO-Press, 2002. – 832 p. [in Russian]

12. Klushina N.I. Obraz vvruga: o voennoj ritorike v mirnoje vremja / N.I. Klushina // Russkaja rech' [Russian speech]. – 2006. – № 5. – P. – 79-87. [in Russian]

13. Leontjev A.N. Lejatelost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality.] / A.N. Leontjev. – Moscow : Smysl; Akademia, 2004. – 346 p. [in Russian]

14. Mikhaleva O.L. politicheskij diskurs kak sfera realizatsii manipulativnogo vozdejstvia [Political discourse as a sphere for the implementation of manipulative influence]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences / O.L. Mikhaleva. – Moscow, 2005. – 27 p. [in Russian]

15. Oljanich A.V. Prezentatsionnaja teorija diskursa: monografija [Presentation theory of discourse: monograph] / A.V. Oljanich. – Moscow : Gnozis, 2007. – 407 p. [in Russian]

16. Parshina O.N. Kontsept "chuzhoj" v realizatsii taktiki distantsirovanija (na materialakh politicheskogo diskursa) [The concept of "alien" in the implementation of the tactics of distancing (On the material of political discourse)] / O.N. Parshina // filologicheskije nauky [Philological sciences]. – 2004. – № 3. – P.85-94. [in Russian]

17. Skovorodnikov A.P. Jaykovoje nasilie v sovremennoj rossijskoj presse [Linguistic violence in modern Russian press] / A.P. Skovorodnikov // Teoreticheskije i prikladnye aspekty rechevogo obschenija (nauchno-metodicheskij bjulleten') [Theoretical and applied aspects of speech communication (scientific and methodological bulletin)]. – Krasnojarsk ; Achinsk, 1997. – P. 35-41. [in Russian]

18. Solomonik A. Semiotika i lingvistika [Semiotics and linguistics] / A. Solomonik – Moscow : Molodaja gvardija, 1995. – 352 p. [in Russian]

19. Formanovskaja N.I. Kommunikativnye, sotsial'nye i psikhologicheskije roli jazykovoj lichnosti [Communicative, social and psychological roles of a linguistic personality] / N.I. Formanovskaja // Journal and cultural Russian speech. – 2007. – № 1. – P. 16-29. [in Russian]

20. Chernjavskaja V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstvia [The discourse of power and the power of discourse. Problems of speech impact] / V.E. Chernjavskaja. – Moscow : Flinta, 2006. – 136 p. [in Russian]

21. Chudinov A.P. Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoje issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000): monografija [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): monograph] / A.P. Chudinov. – Yekaterinburg : Ural. state ped. un-t. – 2003. – 238 p. [in Russian]

22. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse] / E.I. Shejgal. – Moscow ; Volgograd : Peremena, 2000. – 367 p. [in Russian]

23. Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London : Longman, 2007 – 402 p.

24. Grice H. Logic and Conversation / H. Grice // Syntax and semantics. – New York, 1975. – P. 41-58.

25. Svobodová J. The Power of Speech: A Critical Reading of Media and Political Texts / J. Svobodová, O. Bláha, I. Dobrotová et al. – Wrocław, 2020. – 186 p.